

**«О БЕДНОМ МАГИСТРЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...»
МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ САЛАМАНКИ
XVI–XVII вв.**

В статье рассматриваются некоторые аспекты материального положения преподавателей Саламанкского университета, отраженные в петициях бакалавров, лиценциатов, магистров и докторов совету университетских депутатов второй половины XVI – начала XVII в.

Интеллектуальное подвижничество во все эпохи основано на известном выборе перед лицом извечной дилеммы между служением науке и материальным благополучием. Последнее никогда однозначно не связано с интеллектуальной деятельностью, причем древность, средние века или день сегодняшний неизменно порождают одни и те же вопросы, по-разному в разных исторических контекстах решаемые, что само по себе делает интересным исторический экскурс в проблемы столь же старые, сколь и актуальные.

Известно, что XVI в. явился для Саламанкского университета поистине золотым; это было время его расцвета, несомненного первенства за Пиренеями и почетного равенства в ряду старейших и ведущих университетов Европы. Поддерживаемая церковью и все теснее опекаемая короной, Саламанка превратилась в кузницу первоклассных кадров для высшего церковного клира и государственного аппарата испанской империи. Идея престижности самой причастности к прославленному университету была широко распространена во всех социальных слоях тогдашнего общества. Даже крестьянам было присуще представление о Саламанке как о счастливом пропуске в мир элиты – вельмож, государственных служащих, всех тех, кто не обязан проливать пот ради хлеба насущного. У Кеведо, Сервантеса или Лопе де Вега об университете «со знанием дела» толкуют самые неожиданные и весьма далекие от просвещенных слоев персонажи.

Не только бескорыстная жажда познания, но и реальные стимулы социального успеха собирали в университетских аудиториях разновозрастных честолюбцев или чад честолюбивых родителей. Причем доступ в эту средневековую корпорацию был открыт представителям сословий весьма широкого спектра. Одних это обстоятельство мало воодушевляло и побуждало сохранять предпочтения в пользу домашнего образования, что отчасти объясняет относительно невеликий процент выходцев из высших аристократических слоев среди университетской братии. Другим, напротив, давало надежду за неимением материальных богатств приобщиться к богатствам духовным и сколотить тем самым капитал огромных карьерных возможностей, открывавших собою доступ и к вожделенным материальным благам.

Для неимущих, но способных и безупречных в поведении и происхождении университет к этому времени уже имел отлаженный институт коллегий, призванный дать кров и пищу, строгое воспитание и блестящее образование соискателям высоких социальных позиций. Будучи немногочисленными избранными, члены отдельных коллегий составляли десятки, и лишь в совокупности своей сотню-другую в многотысячной массе университетского сообщества; остальным вопросы насущных повседневных нужд и крыши над головой

приходилось решать самостоятельно. Уже это обстоятельство предполагало наличие у основной массы студентов в той или иной степени зажиточных родителей или иной необходимой поддержки. Равные перед наукой будущие бакалавры и доктора не могли быть имущественно равными изначально. Но обретали ли сокурсники некое равенство при успешном прохождении всех предусмотренных уставом корпорации ступеней профессионального роста? Иными словами, давало ли достижение искомых научных степеней безусловную материальную стабильность их обладателям и относительную однородность их экономического статуса?

Понятно, что речь может идти именно об относительных и весьма общих показателях, коль скоро очевидным во все эпохи является влияние на благосостояние всякого человека его собственных индивидуальных обстоятельств, таких как отсутствие или наличие семьи, величина последней, здоровье, работоспособность и прочее.

Итак, оставив в стороне выпускников Саламанки, соискателей доходных церковных и государственных мест, обратимся к положению тех, кто достигал высших позиций внутри самого университета, а именно к сословию преподавателей, читавших лекции и имевших степени магистров и докторов. Именно они и составляли вершину университетской корпорации. Отметим сразу, что Саламанкский университет, в отличие от Парижского, не был, образно говоря, «профессорским». В последнем и представительство, и власть являлись прерогативой преподавательского сословия. В Саламанке же главой университета и его первейшим представителем был ректор, которого выбирали из числа студентов. Студенческой была и часть депутатов, представлявших университетское сословие на советах, рассматривавших и решавших насущные проблемы жизни корпорации. Вместе с тем и здесь положение «остепененных» преподавателей, их влияние на формирование и поддержание принципов жизнедеятельности сложного университетского организма было ведущим [1; 4–7; 9].

Опубликованные Бельтраном де Эредиа протоколы заседаний советов депутатов являются ценнейшим источником по истории Саламанкского университета, живым документом его и бурной, и рутинной повседневной жизни [2]. Источники такого рода имеются в трудах А.М. Карабиас Торрес [3]. Университетские советы конца XVI – начала XVII в. представлены также в интересном исследовании Л.Э. Родригеса-Сан Педро Бесареса [9].

В потоке множества проблем, определявших повестки дня заседаний, интересующая нас тема представлена в основном вопросами, касающимися жалования преподавателей. Конституционно размеры и условия выплаты гонораров, стипендий, жалования университетских преподавателей и служащих детально расписаны

сывались и закреплялись уставом университета, подвергавшимся нечастой редакции. Реалии же повседневной жизни не могли не преподносить своих, не прописанных уставами, ситуаций, в которые попадали члены университетской корпорации, в том числе далеко не самые худшие из них. Едва ли не самыми распространенными были случаи, когда оплата труда преподавателей университета являлась не достаточной для подобающего образа жизни. Такие вопросы требовали всегда чисто практического и индивидуального рассмотрения и решения, чем и призван был заниматься на своих заседаниях совет депутатов университета. За вереницей письменных прошений и устных обращений к «их милостям», членам совета, – живые люди, чаще одаренные и трудолюбивые, чем счастливые и процветающие; их несчастья и надежды, профессиональные взлеты и мечты о покое. Иной вопрос повестки дня – это яркий фрагмент университетской жизни, целая человеческая судьба, история страданий и унижений...

Примечательна история бакалавра Хуана Эскрибано, талантливого, по отзывам членов совета, преподавателя греческого языка коллегии Трилингве. В течение 15 лет он вел занятия по греческой грамматике, получая все эти годы по 20 000 мараведи и еду в коллегии. В июле 1574 г. он обратился в совет с прошением об увеличении жалованья. Бакалавр скромно напоминал, что доходы и преподавателей (регентов), и рядовых членов коллегии давно возросли. «Я же, – писал он, – нисколько в этом не преуспел, но мне бы не хотелось докучать вам, я лишь ищу вашей справедливой милости. Положение мое сегодня в коллегии очень трудное. Прошу вас, как вы сделали это в отношении других, дать мне необходимое содержание и справедливую оплату проводимых по кафедре занятий, с учетом моей службы в коллегии, где регенту полагается больше, чем простому коллегиалу... Не допустите, чтобы я страдал от необходимости беспокоить вас и, состарившись, служа нашему университету, вынужден был искать другие средства в другом месте. И в этой надежде молю Бога наставить вас поступить со мной по справедливости».

При обсуждении вопроса ректор отмечал, что Хуан Эскрибано честно служит университету, занимаясь подготовкой членов коллегии, что он является человеком достойным и всеми признанным, ведет безупречный образ жизни, является примером для других и вполне достоин оставаться членом коллегии. В силу этого, по убеждению ректора, означенный бакалавр должен оставаться в коллегии в качестве преподавателя греческого, а жалованье его за указанные занятия и за усердие в преподавании должно быть повышено на 10 000 мараведи. При этом следует предоставлять ему еду и средства на необходимые расходы в данной коллегии. За статус регента в коллегии и жалованье в 30 000 мараведи в год для бакалавра Эскрибано тайным голосованием все члены совета проголосовали единогласно, что было подтверждено, как полагалось, присутствовавшим при сем нотариусом. Оставалось получить одобрение короля, как это требовалось в делах такого рода [2. С. 290–291].

Отметим, что возможность быть и оставаться членом коллегии являлась для многих жизненно важной, так как решала в значительной степени вопрос каждо-

дневного пропитания и крыши над головой. Отнюдь не все студенты и преподаватели могли ею пользоваться, хотя и среди избранного меньшинства находились такие, кому удавалось бесконечно сохранять свой статус коллегиала из одной лишь привычки к паразитизму.

Для нашего же одаренного, но неимущего преподавателя членство в коллегии, вне всяких сомнений, являлось насущной необходимостью, ибо даже возросшее жалованье не открывало ему особых материальных и научных (как увидим далее) перспектив.

Испытание бедностью оказалось не единственным очевидным несчастьем бакалавра Хуана Эскрибано: против него были выдвинуты обвинения инквизицией. Судя по всему, это произошло вскоре после выше описанного эпизода. О случившемся лишь самую общую и весьма скудную информацию дает имеющийся документ. В конце октября 1576 г. университетский совет депутатов рассматривает новое письменное прошение Хуана Эскрибано, составленное, как явствует из его текста и выступлений на совете, сразу после его освобождения. В этом обращении к совету он упоминает, что с усердием служил университету долгие 15 лет, пока не оказался в заключении. Учитывая, что в своем письме двухлетней давности он указывал тот же самый трудовой стаж, можно предположить, что в тюрьму Святой канцелярии бакалавр Эскрибано был посажен в 1574 г. и провел в ней 2 года.

Есть в этом новом тексте бакалавра и явное, хотя и лишенное даже минимальных подробностей, указание на причину или виновников перенесенных им страданий; находясь с тяжелом как никогда положении, еще вчерашний узник инквизиции просит тем не менее не связывать его с коллегией, которая, по его словам, оказалась «роковой» для него и принесла ему «так много зла». Коллегия, как известно, не только давала кров и пищу своим питомцам, но и требовала особого образа жизни и строгой дисциплины. Памятуя о безупречной репутации Эскрибано, которая была признана за ним и единодушно подтверждена университетским советом незадолго до выдвинутого против него обвинения, остается лишь предполагать наличие у примерного бакалавра недоброжелателей и даже врагов, таившихся до времени в стенах родной ему коллегии, что в атмосфере усилившегося с начала 1560-х гг. идеологического контроля, инспирированного инквизицией, могло действительно оказаться роковым.

Университетский совет вновь проявил единодушие в оценке высоких качеств обратившегося за помощью бакалавра. Было отмечено, что Хуан Эскрибано, «как всем известно и очевидно», является одним из самых редких и лучших знатоков греческого, существовавших донныне, что он старый воспитанник университета, который уже много лет служит ему, преподавая в коллегии Трилингве, где воспитал много учеников и всегда надежно и преданно помогал руководству коллегии. Специально было подчеркнуто, что из заключения бакалавр Эскрибано вышел свободным от каких-либо обвинений, правомочным в отношении любого вида деятельности, о чем «публично было объявлено и что было подтверждено доктором Бенито Родригесом, уполномоченным Святой канцелярии». Выступления докторов университета были наполнены уважением и сочувстви-

ем к столь замечательному в своей области и так безвинно пострадавшему преподавателю. «Не было и нет человека, который мог бы так преподавать греческий, университету так не доставало его, и он вернулся, и университет его вновь принимает». Было предложено, учитывая нежелание бакалавра находиться, как это было прежде, в коллегии, «где он получал кров и стол», оставить за ним прежнюю преподавательскую нагрузку и жалование в 30 000 мараведи и выплачивать еще 20 000 с тем, чтобы он мог на эти деньги снимать жилье и питаться. Голосование было единодушным, и к уже утвержденным к тому времени королем 30 000 мараведи жалования были предложены для нового утверждения еще 20 000 для Хуана Эскрибано за счет университета. Правда, мольба бакалавра о немедленном вспомоществовании осталась безответной.

На следующем заседании совета в ноябре 1576 г. вернулись к прошению Эскрибано в той его части, где он просил «ввиду того, что оказался после тюрьмы в крайне тяжелом положении, выделить ему хоть что-нибудь для поддержания себя и уплаты части долгов». Открыто, как указано в протоколе, проголосовали за 12 дукатов (4 500 мараведи) «в виде подаяния». При тайном же голосовании «три орешка оказались черными, что указывало на имевшиеся голоса против, и в силу этого ему ничего не дали. На том и закончилось заседание». А тяготы бакалавра между тем продолжались. Совет, похоже, не поторопился отправить на королевское утверждение свое решение о новом жаловании для него, тогда как добросовестный Эскрибано исправно отработывал положенные ему занятия и безуспешно боролся с наседавшими на него кредиторами. Наконец, он вновь был вынужден напомнить о себе университетским депутатам: «...к моему несчастью, хотя и не по моей вине, не была отправлена ко двору ваша милость, которую вы оказали мне... Я же ежедневно веду свои занятия и в университете, и в коллегии. Прошу вас быть милосердными ко мне и выплатить жалование с момента возобновления моей работы и дарованной вами милости. Моя задолженность не дает мне возможности иметь свой угол и заставляет продавать свои книги, но я не могу этого больше себе позволить. И если кредиторы окончательно меня одолеют, не знаю, что мне останется делать...». 1 февраля 1577 г. совет решил выплатить ему жалование в размере 50 000 мараведи с учетом уже отработанных месяцев и направить в королевский совет просьбу об утверждении жалования Эскрибано.

Через три года бакалавр Эскрибано попытал счастья в конкурсе на получение кафедры трех языков. Его соперником был магистр Кристобаль де Мадригал, оказавшийся, по общему мнению, сильнее в знании еврейского, халдейского и арабского. 6 февраля 1580 г. единодушный вердикт комиссии был оглашен на совете, и кафедру получил магистр де Мадригал [2. С. 309–311; 313; 335].

Имя Хуана Эскрибано всплывает годы спустя, когда, по-прежнему бакалавр, он обращается к совету с просьбой продлить недавно закончившийся утвержденный королем четырехлетний срок выплаты ему все того же жалования в 50 000 мараведи и отправить свое решение на новое утверждение королю. На заседании университетского совета 22 декабря 1585 г. было решено, «учитывая, что бакалавр Хуан Эскрибано является величайшим зна-

током греческого, а найти другого подобного преподавателя весьма трудно, будет полезным как для университета, так и для коллегии, где он трудится, продолжить платить ему данное жалование и просить Его Величество утвердить срок его службы, ибо в его лице он имеет очень хорошего труженика» [2. С. 363–364].

Как видим, несомненное признание высокой компетентности в своей области могло служить нашему скромному преподавателю источником скорее морального, нежели материального удовлетворения. Нетрудный подсчет показывает, что к 1585 г. бакалавр Эскрибано прослужил университету уже почти четверть века (24 года, за вычетом предположительно двух лет тюремного заключения), из которых 15 он довольствовался весьма скромным содержанием младшей коллегии Трилингве и известные нам оставшиеся 9 лет получал от университета жалование в 50 000 мараведи, из которых 20 000 выплачивались на жилье и пропитание. Можно ли считать такую обеспеченность неплохой или достаточной, если доподлинно известно, что в те же самые годы расходы самого рядового студента, снимавшего комнату и платившего хозяйке за стирку, бывали значительно более внушительными, нежели те средства, которыми располагал наш бакалавр. Сошлемся на саламанкского студента права Гаспара Рамоса Ортиса, который с конца июня 1568 г., до конца марта 1569 г., т.е. всего за 9 месяцев своего пребывания в Саламанке, потратил, как явствует из его дневника, примерно 140 дукатов, или 52 500 мараведи, на повседневные насущные расходы [8. С. 47].

Можно себе представить, сколь роскошными и недоступными были подобные траты для бакалавра Педро Гальего, обратившегося в совет с просьбой об увеличении жалования. 20 ноября 1563 г. собравшимся депутатам было зачитано его прошение, из которого следовало, что означенный бакалавр 10 лет прослужил капелланом в университетском госпитале и все эти годы получал 10 000 мараведи жалования и еду. Денно и ночью он ухаживал за больными, ободряя и поддерживая их, нередко причащая и совершая прочие обряды. Ежегодно он проводил по 106 служб в больничной часовне; помимо этого он был мажордомом, и в его обязанности входило закупать все необходимое для госпиталя, что, по его собственному признанию, он делал с большой экономией для своего заведения. Служебный долг призывал его вставать и по ночам, будь то зимой или летом, что не могло не отразиться на собственном здоровье. «Жалование, которое мне дают за все это, – писал бакалавр, – является маленьким. В конце года мне не остается денег на одежду». Просьба его состояла в том, чтобы за объем выполняемой им работы, равной тому, что делал его предшественник, ему выплачивали такое же жалование. Напоминая, что университет платил тому 15 000 мараведи и предоставлял пищу, бакалавр заключал: «Прошу вас сообразоваться оказать мне ту же милость, ибо это было бы справедливым, когда тот, кто усердно трудится, помимо еды имел бы и во что одеться». Просьба была удовлетворена. Проголосовав, совет решил «помимо предоставления пищи, отныне и впредь платить означенному бакалавру Педро Гальего то же жалование, что давали поименованному Хуану Рамосу, когда тот трудился в данном госпитале, которое составляет 15 000 мараведи в год» [2. С. 212–213].

8 августа 1561 г. совет рассматривал прошение преподавателя латинской грамматики Диего де ла Торре о снижении, говоря современным языком, его учебной нагрузки. «Светлейшие и досточтимые сеньоры, – обращался он к коллегам, – вам известно, сколько труда и забот своих отдал я нашему университету и своему факультету, где с большим успехом всегда имел много слушателей, что продолжалось бы и поныне, не помешай мне болезни и постоянные тяготы. Добавьте к этому, что я лишился зрения. В силу всего этого вести по четыре занятия, которые предписаны для моего курса, я не могу, не нанося удара и без того слабому своему здоровью. По причине чего прошу вашей милости облегчить мое положение и благоволить убрать два часа из четырех, что я читаю, ибо нет недостатка в тех, кто мог бы забрать эти часы...». Для изучения вопроса была назначена комиссия в составе магистра Хуана де ла Пеньи и доктора Хуана де Андрада, чьи выводы были изложены на заседании совета 17 октября того же года.

Решался вопрос о том, может ли руководить курсом означенный бакалавр де ла Торре при наличии такого препятствия, как утрата зрения. Слепой бакалавр, по мнению де ла Пеньи, «не был в состоянии ни учитывать присутствующих на его занятиях, ни наказывать нерадивых, ни проверять и экзаменовывать по прослушанному. По этой причине к нему на занятия стремятся те, кто, тяготясь контролем над собой и избегая проверки знаний, уходят от других преподавателей, которые в состоянии их осуществлять. А это нарушает порядок и устав университета, в силу чего, по убеждению членов комиссии, данная ставка должна быть освобождена и объявлена вакантной. А означенному бакалавру Диего де ла Торре за его многие труды и преподавание в нашем университете и по причине его бедности назначить соответствующее жалование, на которое он мог бы жить, с учетом, что у него есть старушка-мать и брат. За это жалование он будет давать уроки по какой-либо хорошей книге». Через месяц совет депутатов поручил де ла Торре вести занятия по книге Тулия «О дружбе» с жалованием в 30 000 мараведи [2. С. 191–193].

Несколько лет спустя университетский инспектор лицензиат Хараба отстраняет Диего де ла Торре от преподавания, и тот подает прошение в совет: «...милости вашей данный мне сокращенный курс у меня забрали, и теперь у меня нет ни одного часа преподавания, – писал он. – Сеньор лицензиат Хараба лишил меня кафедры и той милости, которую вы мне даровали. Молю вас повелеть вернуть мне то, что я имел раньше, ведь я ничем не обидел свой университет за 30 лет служения ему. Жизнь моя не долго еще продлится, ибо я стар и болен... Несправедливо будет, если я, отдав всю свою молодость службе нашему университету, сегодня на закате своих дней вынужден буду искать средства к пропитанию в другом месте».

4 января 1567 г. прошение старого бакалавра было зачитано на заседании совета, двум авторитетным его членам было поручено «поговорить с означенным лицензиатом Харабой и выяснить у того, по каким причинам необходимо было лишать жалования Диего де ла Торре; полученную информацию сообщить совету с целью наилучшего разрешения данного вопроса» [2. С. 232–233]. Вернулись к нему уже в апреле того же года, пытаясь разо-

браться, как произошло, что у слепого преподавателя Диего де ла Торре, который имел жалование в 30 000 мараведи и проводил по одному занятию грамматики в день, что в соответствии с уставом было предоставлено ему ректором, инспектор Хараба отнял на все это право. Ректор предложил выплатить бакалавру 10 дукатов в качестве вспомоществования, за что все проголосовали единодушно. Решено было также дожидаться мнения Королевского Совета, где находились в то время представители университета как раз по поводу обсуждения результатов инспекции лицензиата Харобы, и выражена надежда на то, что члены этого Совета распорядятся вернуть слепому преподавателю право вести занятия. [2. С. 237–238].

Слепой бакалавр де ла Торре преподавал в Саламанке еще долгих 12 лет, о чем мы узнаем из еще одного его письма, направленного в совет в 1579 г. с прошением на этот раз освободить его от проведения занятий. К тому времени, как следует из документа, уже не стало его брата, магистра и профессора грамматики Эрнандо де ла Торре, который «многие годы трудился в этом прославленном университете, пока не закончил на службе свою жизнь». О себе Диего де ла Торре писал: «Я 40 лет прослужил Саламанке, но теперь, когда мне 70 лет, я слеп, болен и стар и не могу уже без риска для жизни продолжать трудиться... Прошу вас принять во внимание мою 40-летнюю службу и... разрешить мне не вести больше занятий, но получать жалование, с которым я смог бы скоротать мою старость в своем доме...». 14 февраля 1579 г. на заседании университетского совета обсуждался вопрос относительно «прошения слепого преподавателя Диего де ла Торре об оказании милости в виде жалования по его кафедре, учитывая его болезни, бедность и долгое служение нашему университету». Единодушным голосованием было решено назначить ему жалование в 30 000 мараведи «без преподавания по кафедре грамматики» [2. С. 325–326].

Степень бакалавра была единственно доступной для большинства поступавших в университет, что обусловлено было не одним лишь вопросом способностей и прилежания. Она позволяла, как видим, довольствоваться весьма скромным вознаграждением за преподавательский труд. Лицензиаты, занимавшие следующую, более высокую ступень академической иерархии, далеко не всегда обретали и больший материальный достаток. Правда, в этой категории университетских преподавателей мы встречаем уже больше лиц, располагавших изначальной стартовой материальной или социальной поддержкой, хотя в дальнейшем большинство из них неизбежно сталкивались с материальными трудностями.

В августе 1566 г., например, сестра Филипа II донья Хуана настоятельно рекомендовала епископу города Сьюдад Родриго, направленному королем с инспекцией в Саламанку, добиться увеличения жалования лицензиату Амбросио Нуньесу, врачу и преподавателю университета. «Мы осведомлены, – писала уполномоченному лицу принцесса, – о том, что лицензиат Амбросио Нуньес много пользы приносит своими исследованиями и практикой на его факультете; и что, имея не более 15 000 мараведи жалования, испытывает нужду и хотел бы его повышения. Помимо указанного, он

приходится сыном старшему врачу светлейшего короля Португалии, моего сына, и я желаю поспособствовать ему и оказать милость. Поручаю вам потрудиться относительно изложенного, что порадует нас чрезвычайно» [2. С. 64].

Весьма предусмотрительным оказался лицензиат Санчо Давила, который, еще будучи ректором, поставил вопрос о своих будущих лекциях и о жалованье, за них причитающемся. 10 февраля 1586 г. он обратился к совету со словами: «Хотя я всегда более склонен решать дела других, нежели свои собственные, столь огромная значимость преподавания в этом университете и явное милостивое желание всех докторов предоставить мне такую возможность побуждают меня просить вас о жалованье в 50 дукатов (18 750 мараведи) за чтение курса по священному писанию». Заметим, что человек этот был уже далеко не юным, весьма авторитетным и трижды избиравшимся ректором университета. Последний по уставу не мог быть профессором, читающим лекции, поэтому, поднимая этот вопрос за несколько месяцев до выбора своего преемника, Санчо Давила подчеркивал, что просит лекционный курс для себя впрок, и начнет его не раньше окончания своих ректорских полномочий.

Речь лицензиата на заседании совета была полна достоинства и благородных чувств. Излагая мотивы своего желания служить Саламанке, он говорил: «Мои очи обращены на наш университет, как на мать, которую покидают, не возвратив ей долга. Не будет праведным, когда, по завершении года, я оставлю свой ректорский пост и вернусь в свою землю, тогда как в этом краю, который уже стал мне родным, меня стремятся удержать, и мне так хотелось бы здесь получить степень магистра...». Секретарь отметил в протоколе, как под дружные аплодисменты всех членов совета ректор Давила просил тех, кто больше всех считал себя его другом, ни слова не проронить против тех, кто хотел бы что-то возразить, «ибо в столь огромном сообществе невозможно, чтобы все имели одно и то же мнение». Совет между тем единодушно проголосовал за предоставление лицензиату Давиле лекционного курса и жалованья в 50 дукатов по окончании его ректорства.

Заметим, что получение желанной докторской степени предполагало значительные расходы, и Санчо Давила в действительности больше рассчитывал на иной финансовый источник, который, к его счастью, он имел в виде ожидаемой помощи со стороны своего титулованного брата, маркиза де Велада, о чем и не преминул сообщить на совете [2. С. 364–366]. В любом случае даже с таким почетом и уважением решенный в пользу лицензиата вопрос вопросом и оставался. Ибо относительно достаточный годовой доход означал сумму куда более высокую, нежели положенное лицензиату Давиле жалованье в 18 750 мараведи в год.

Не умножая примеров стесненных обстоятельств, в которых оказывались нередко бакалавры и лиценциаты Саламанки, констатируем тот факт, что на университетском Олимпе – в сословии докторов и магистров – дела обстояли зачастую не менее печальным образом. Обращает на себя внимание обилие обращений профессоров за помощью совета в разрешении их материальных проблем. При этом речь нередко идет не только

о временных затруднениях, но и о серьезных лишениях и настоящей бедности.

Так, 9 марта 1563 г. совет депутатов рассматривал просьбу о помощи, изложенную магистром Мигелем Франсесом, который писал, что в университете трудится, читая лекции, 11 лет, но последние 4 года из них его одолевают тяжелые болезни, по причине чего он впал в крайнюю нужду. «В силу этого, – заключал он, – прошу вас оказать мне милость в виде какой-либо денежной помощи». Обсудив вопрос, депутаты провели тайное голосование и постановили выдать магистру 10 дукатов (3 750 мараведи) из уважения к его трудам [2. С. 271].

В феврале 1623 г. магистр Франсиско де Роалес, преподаватель математики и астрологии, просил увеличения жалованья по своей кафедре, будучи в стесненных обстоятельствах из-за долгов, вызванных получением научных степеней и окончанием срока пребывания в коллегии. Ф. де Роалес имел пожизненную кафедру математики, на которой прослужил уже к тому времени 9 лет. Будучи членом коллегии Святой Магдалины, он получал вспомоществование, кров и стол. Это позволяло магистру покупать на свое жалованье необходимые для его кафедры инструменты и книги. На момент его обращения в совет выплата стипендии в коллегии закончилась, и ученый оказался в состоянии крайней нужды и «невозможности, – по его собственным словам, – служить с той благопристойностью, какой достоин член подобной корпорации». Магистр пояснял, что не имеет каких-либо доходных занятий, а также доступа к другим кафедрам и должностям, что могло бы существенно поправить его материальное положение. Одного же жалованья по кафедре оказалось недостаточно, чтобы выплачивать проценты по займу в 800 дукатов, который он вынужден был в свое время сделать для получения ученых степеней.

Просьбу об увеличении жалованья Франсиско де Роалес мотивировал не только необходимостью иметь достаточное для осуществления своей службы содержание, но и тем обстоятельством, что его кафедра являлась столь же важной, как и редкой. Ссылаясь автор прошения и на практику, когда жалованье в Саламанке повышали магистрам и докторам, получившим степени в других университетах. Аргументируя обоснованность своей просьбы, де Роалес обращался к университету в лице его совета с просьбой не допустить положения, когда его собственные питомцы вынуждены покидать его и отправляться учить менее достойных, тогда как у себя способны читать на столь редких и необходимых университету кафедрах [3. С. 643–644].

Случалось, что о бедственном положении своих учителей заявляли их студенты. Примером того может служить обращение в совет учеников профессора Диего Переса де Саламанка с просьбой предоставить тому помощь для завершения его труда по королевскому законодательству. На заседании совета 4 января 1567 г. был зачитан этот любопытный документ, столь показательный, что заслуживает быть приведенным полностью. «Светлейшие и досточтимые сеньоры, – говорилось в нем, – Хуан Андрес де Сильва от имени студентов факультетов канонического и гражданского права просит Ваши милости учесть тот огромный труд, кото-

рый проделал за 24 года служения нашему университету доктор Диего Перес, постоянно читая лекции на том и другом факультете и принося пользу своими исследованиями не только нам, кто приезжает изучать право, но и всему государству Испании, ибо они направлены на изучение законов наших королевств. Было бы полезным, принимая это во внимание, дать ему премию, достаточную, по мнению Ваших милостей, для того, чтобы он мог без стеснения прокормить себя, а также завершить и издать вторую часть его «Королевского законодательства Кастилии», вместе со многими другими написанными им трудами, которые из-за чудовищной своей бедности он не может опубликовать. Ибо если Вы, Ваши милости, оставите его без поддержки и не протяните ему руки в той нужде, которую он испытывает, мы потеряем возможность воспользоваться плодами его трудов, а он не сможет продолжить то, что так замечательно начал. Ибо он не имеет ни гроша на лечение болезней, одолевающих его, так как всегда меньше заботился о своем здоровье, нежели о служении нашему университету. В связи с этим нельзя не заметить, что побуждает ведь Ваших светлостей нечто к тому, чтобы иностранцы встречали у Вас столь хороший прием. И было бы плохо, если сынам своим университет не делал всего, что возможно с его стороны, и принижал бы их в чем-то. Таким образом, я выражаю надежду на то, что по обычаю Ваших светлостей, всем нам будет дарована эта милость, благодаря которой доктор Диего Перес сможет трудиться сообразно своим устремлениям, а мы получим от этого пользу, и все прочие будут так же достойно служить своему делу». Подчеркнем, что речь шла о докторе Саламанки, читавшем курсы на двух факультетах! Обращение его учеников, очевидно, нашло понимание в совете. Диего Пересу де Саламанка удалось опубликовать свой двухтомный труд по кастильскому законодательству, правда, в год своей смерти – в 1574 г. [2. С. 233–234].

Беспокоиться о своих профессорах имели основания и студенты-медики. В январе 1567 г. на заседании совета было зачитано следующее заявление: «Мы, студенты факультета медицины нашего университета, поставившие свои подписи под этим документом, удостоверяем, что много лет преподавателем и наставником нашего факультета является доктор Хуан Браво. И все это время мы на практике убеждаемся в огромнейшей важности для нас его метода и лекций, которые он ежегодно читает по курсам своей кафедры с большим мастерством и усердием. И в силу того что столько лет он так много трудился за малое вознаграждение, нам с достоверностью известно, что, несмотря на то, что до сих пор, не имея желания покидать нас, вняв многочисленным гораздо более выгодным предложениям, в настоящее время ему придется такое принять. Его лекции и опыт широко известны, и вновь он получил предложение гораздо более высокого жалованья. Лишиться его было бы огромным ущербом и ударом для всех нас. И, будь такой лектор где-то в другом месте, Ваши светлости должны были бы постараться заполучить его в свой университет, снабдив соответствующим жалованьем, как это делается на наших глазах у нас и на других факультетах. Так не разумнее ли гораздо было бы удержать его и не дать покинуть свой уни-

верситет... Просим Вас назначить ему достойное вознаграждение за труд, что дало бы возможность нести все расходы, которые неизбежны в нашем городе для лиц его уровня и квалификации» [2. С. 234].

Для профессоров других университетов переезд в Саламанку был столь же почетен, сколь и дорогостоящ, что для одних оборачивалось временными испытаниями, а для других имело отдаленные весьма тяжелые последствия.

10 января 1579 г. университетскому совету был представлен магистр Херонимо Муньос, приглашенный на кафедру астрологии и математики. Тот известил его членов о том, что, получив приглашение прославленного университета, оставил дом, жену и детей в Валенсии и приехал в Саламанку. И, «несмотря на недомогание, плохую погоду и плохую воду», начал преподавать. Не зная, однако, здешних правил, он не представился сразу и не попросил жалованья, которое должно было составлять 400 дукатов (150 000 мараведи). По этой причине он обращался с просьбой о выдаче ему этого жалованья в качестве помощи для того, чтобы снять дом и перевести семью в Саламанку. При этом он просил заплатить ему со дня выезда из родного города, то есть со 2 декабря 1578 г., когда он перестал получать жалованье в университете Валенсии. При обсуждении этого вопроса одни напоминали, что по уставу платить следует со времени начала чтения лекций. Другие, соглашаясь, тем не менее указывали, что в данном случае этой нормой не следует руководствоваться, так как речь идет о человеке, в котором университет заинтересован и которого специально пригласили. В результате голосования было решено выплатить доктору Муньосу жалованье в размере 400 дукатов со 2 декабря предшествующего года [2. С. 324–325].

Как видим, заинтересованность университета в подобных случаях позволяла благосклонно и оперативно решать проблемы обустройства приглашенных из других городов преподавателей. Очевидно, именно эта практика имела в виду, когда студенты-юристы, взывая о помощи к своему саламанкскому учителю, ссылались на хороший прием, получаемый здесь «иноземцами». Последними в политических реалиях того времени могли восприниматься в ведущем университете Кастилии и андалузцы, и галисийцы, и наваррцы, и выходцы из Валенсии и других испанских земель.

Впрочем, имелись примеры и другого рода. Печальным по своим последствиям оказался переезд в Саламанку португальца, доктора права Ариаса Пинеля. В конце 1561 г. университетский совет принял решение назначить Пинелю жалованье в 400 дукатов, несмотря на возражения синдика университета (лица, отвечавшего за финансовые и имущественные дела), доктора Франсиско Кастро. Совет депутатов сделал предупреждение Кастро «под угрозой штрафа в 20 дукатов не обсуждать и даже не пытаться оспаривать жалованье, назначенное доктору Ариасу Пинелю». Ему было запрещено высказывать свое мнение на этот счет «ни как синдик, ни от имени университета, ибо это было бы против того, что университет уже решил и постановил». В противном случае он мог быть лишен полномочий, которые имел от университета. «Если же ему все-таки захочется обсуждать это, пусть делает сие как

доктор и частное лицо, но не как синдик» – было записано в протоколе. В королевском совете данное решение было утверждено, несмотря на поступившее все-таки от Франсиско Кастро письмо. Этот факт изложил и удостоверял нотариус королевского двора в Мадриде 20 декабря 1561 г. С 1562 г. Ариас Пинель начал читать в Саламанке лекции по праву, но вскоре, в январе следующего года, он скончался.

23 января 1563 г. от имени вдовы и детей доктора Пинеля в совет обратился Луис Сесар. «Светлейшие и почтеннейшие сеньоры, – говорилось в прошении, – доктор Ариас Пинель оставил свое гражданство и родину, где столько почета и покоя он имел, ради того, чтобы оставшуюся столь короткую часть своей жизни отдать служению нашему университету. Для этого ему пришлось произвести огромные затраты на переезд. Кроме того, получение докторской степени он вынужден был взять 800 дукатов под залог в Медине. Однако недостаточность суммы, которую дал ему университет, не только не позволила ему оградить от нужды свой дом, но и стала причиной того, что его пятеро детей, старшему из которых не более восьми лет, остались в самом незащищенном положении». Призывая членов совета проявить к этим детям великодушие, Луис Сесар с горечью заключал: «Если при жизни их отец получил из рук Ваших светлостей столько почестей, но за то короткое время, что мог служить, он не заслужил ничего, это не является основанием для того, чтобы по смерти таких людей это ожидало и несовершеннолетних» [2. С. 195–197].

Не менее драматичной была история семьи португальского профессора права Мануэля Акосты. В июне 1562 г. в университетский совет депутатов с просьбой об оказании помощи обратилась его вдова донья Исабель Энрикес. Получив кафедру в Саламанке, доктор Акоста перевез сюда из Португалии свою семью, оставшись при этом без той поддержки, которую имел для своих детей на родине. На переезд и на стипендии, полученные им в Саламанкском университете, он истратил, по словам вдовы, более 2000 дукатов (750 000 мараведи). Трудился он, очевидно, не жалея ни сил ни здоровья. Как писала донья Исабель: «Бог призвал его к себе, ибо, служа этому университету, он всегда чрезмерно был занят исследованиями и приходил читать лекции с высокой температурой». Оставшийся после его смерти долг в 600 дукатов не позволял его вдове ни вернуться на родину, ни содержать детей. Случай, как убеждают в том документы, был далеко не уникальным. Вместе с тем, к положению незащищенности и материальной нужды семьи португальского профессора отнеслись как к «странному и редкому, повергшему в изумление весь университет». Немедленно было решено провести тайное голосование по вопросу о «милости и подаянии, что следует поименованной Исабелы Энрикес, которая была женой означенного доктора Мануэля Акосты, дать в размере 400 дукатов». Предложено было также оставшимся без отца двоим его сыновьям оказать помощь в получении образования в Саламанке: одного сделав членом коллегии Трилингве, а другому дать возможность продолжить изучение курса канонического права.

Заметим, что членство в коллегии было предложено одному из сыновей Акосты по курсу греческого и ри-

торики при наличии такой вакансии либо ему предоставлялось первое, оказавшееся вакантным место в данной коллегии. Условия обучения другого сына не оговаривались. Решение было принято единогласно, правда, помощь в виде денежной выплаты столь немалой величины университет мог оказать только с разрешения короля, о чем и гласит приписка на полях протокола, в которой речь идет о необходимости обращения совета за утверждением его решения в высшую инстанцию.

Известно, что уже через месяц на совете вновь возник вопрос о сыновьях Акосты. На сей раз получивший пансион в коллегии Трилингве Мануэль Акоста просил такого же права для своего брата Энрике, с тем чтобы тот, став пансионером, мог слушать лекции по каноническому или гражданскому праву. Голосованием было единогласно решено «за счет университета» определить в коллегию и второго сына покойного преподавателя, «чтобы они вместе посещали лекции по праву и чтобы эта милость, дарованная на пять лет, распространялась на обоих братьев» [2. С. 200–201; 202–203].

Пожалуй, наиболее пронзительными среди прочих звучат эти мольбы вдов саламанкских докторов и магистров, свидетельствующие о многотрудности академической стези подвижников университета, не защищавшей порою от лишений ни их самих, ни их близких.

В декабре 1600 г. с просьбой о помощи к совету обращалась вдова магистра Франсиско Санчеса де ла Бросаса, ушедшего на пенсию с кафедры риторики и греческого языка. Он прослужил университету более 50 лет, не накопив никакого богатства и оставив жену с детьми в крайней бедности. Любопытны при этом слова вдовы о том, что вся она сама, и сыновья, и дочери всегда зависели от трудов отца семейства [3. С. 635].

В феврале 1621 г. совет рассматривал прошение доньи Херонимы де Теминьо. Замученная долгами и безысходным материальным положением, вдова доктора Маркоса Диеса буквально умоляла коллег умершего супруга о милосердии и помощи. «Доктор Маркос Диес, что упокоился со святыми, – писала несчастная женщина, – всю свою жизнь отдал служению во благо всего университета, столь значимой и полезной была его деятельность. Но чтобы поддержать блеск, приличествующий профессору, читающему главные курсы, он потратил и израсходовал все имущество, которое унаследовал от своих родителей, а также и мое приданое. И вот к моменту его смерти я осталась в большой нужде и без всяких средств, чтобы уплатить его долги; и я нахожусь в такой удрученности, печали и безутешности от столь большой потери, которая привела меня к поистине крайней нужде, что, если не найду у вас сочувствия, принуждена буду просить милостыню; и поэтому прошу и умоляю вас принять во внимание верную службу моего супруга и то, что несправедливо будет, если вдова ведущего профессора будет доведена до такой крайности, когда вынуждена будет побираться. Проявите же свойственное вам милосердие и благородство, помогите мне в моей крайней бедности, облегчите мои тяготы и отнеситесь ко мне так же, как вы это сделали по отношению к другим вдовам докторов и магистров, которые ни по кафедре, ни по своей службе не сравнятся с упомянутым доктором Маркосом Дие-

сом, который в своем последнем обращении молит Ваши светлости о том же, и это отражено в заключительных словах его завещания. Свершенное вами это будет дело большого благочестия и очень желанное в глазах Господа нашего, который будет оберегать вас и воздаст вам по заслугам» [З. С. 642].

В сентябре 1617 г. за помощью в совет обращалась донья Мария де Меса, вдова доктора Лукаса Криадо де Миранда. Покойный муж ее был доктором медицины, членом университетской корпорации. После его смерти вдова осталась без средств к существованию и с тремя малыми детьми, младший из которых был семимесячным младенцем. Примечательно, что, сообщая о своей крайней нужде, которая не позволяла ей поддерживать ни себя, ни детей, вдова упомянула, что все ее приданое было потрачено на оплату степени доктора, которую ее муж получил в Саламанкском университете, и что на эти средства они могли бы прожить в течение нескольких лет. Умоляя помочь ей прокормить детей, Мария де Меса напоминала о заслугах, ученых трудах покойного мужа, который более 12 лет, имея кафедру в Саламанке и живя на жалованье, отказывался от других, более высоко оплачиваемых предложений [З. С. 641].

Как видим, профессоров блестящей Саламанки не всегда следует представлять себе в образе величавого ученого доктора с портрета кисти Сурбарана. С полным основанием можно предположить, что лица многих из них помимо творческой озаренности, могла отличать временами и печать глубокой скорби, вызывае-

мой не только размышлениями о вечном, но и непреходимой и унижительной материальной нуждой.

Оставив для специального рассмотрения во всей его возможной полноте вопрос о причинах материальных затруднений, которые испытывала немалая часть преподавателей, занимавших даже самые высокие позиции в академической структуре ведущего испанского университета, укажем здесь лишь на одну, но, пожалуй, самую существенную и столь явственно звучащую в приведенных выше примерах. А именно – высокую стоимость его ученых степеней, имея в виду ее буквальный, связанный с денежными затратами, смысл. Цена образования в Саламанке возрастала с прохождением очередных ступеней академического роста, и достижение высших из них было сопряжено с внушительными денежными расходами. Гонорары экзаменаторам и присутствовавшим на экзаменах служащим, дорогостоящие обеды и празднества, устраиваемые и оплачиваемые соискателями степеней лиценциата или магистра, являлись обязательной, закрепленной в университетском уставе практикой. На это тратились целые состояния, ради этого распродавали имевшееся, обрастали долгами. И нередко, как убеждает отраженная в источниках действительность, эти материальные жертвы не окупались обретенным высоким академическим статусом. Разумеется, это свойственно было университетским реалиям эпохи в целом, но высота планки оплачиваемого престижа задавалась высотой престижа самого университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Alonso Romero M.P.* Universidad y sociedad corporativa. Madrid, 1997.
2. *Beltran de Heredia V.* Cartulario de la Universidad de Salamanca. Salamanca, 1970.
3. *Carabias Torres A.M.* Colegios Mayores: Centros de Poder. Los colegios mayores de Salamanca durante el siglo XVI. Salamanca: Ed. De la Un. de Salamanca, 1986. Vol. 1–3.
4. *Fuente V.de la.* Historia de las universidades, colegios y demas centros de ensenanza en Espana. Madrid, 1884–1889. Vol. 1–4.
5. *Historia de la Universidad de Salamanca.* Trayectoria historica e instituciones vinculadas. Salamanca, 2002. Vol. 1.
6. *Jimenez A.* Historia de la Universidad Espanola. Madrid, 1971.
7. *Ramirez Gonzalez C.I.* La Universidad de Salamanca en el siglo XVI: corporacion academica y poderes eclesiasticos. Salamanca, 2002.
8. *Rodriguez-San Pedro Bezares L.E.* Vida, aspiraciones y fracasos de un estudiante de Salamanca. El diario de Gaspar Ramos Ortiz (1568–1569). Salamanca, 1999.
9. *Rodriguez-San Pedro Bezares L.E.* La Universidad Salmantina del Barroco, periodo 1598–1625. Salamanca, 1986. Vol. 1–3.

Статья представлена кафедрой библиотечно-информационной деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 15 декабря 2004 г.